

**П.А. СТОЛЫПИН И III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА:
ПРЕРВАННЫЙ ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)**

С началом деятельности представительного органа России – Государственной думы – сразу же определилась и закрепились конфронтационная составляющая в ее взаимоотношениях с правительством. Постоянно сталкиваясь с противостоянием депутатского корпуса, власти стремились изменить его качественный состав, преградив путь к думской трибуне представителям оппозиционно настроенных движений. Этап плодотворной деятельности парламента начался, по мнению Б.Н. Миронова, только «...после изменения избирательного закона, получившего в историографии название третьеиюньского переворота. <...> В результате изменения избирательного закона цензовые граждане, которые имели опыт участия в земских и городских выборах, получили 65 % голосов, что и обеспечило стабильность думы. Наличие в составе депутатов первой и второй думы около 44 % полуграмотных крестьян, не способных к законодательной работе, служило важным фактором ее роспуска»[1, с. 160].

16 ноября 1907 г., спустя две недели после начала работы III Думы, премьер-министр П.А. Столыпин выступил перед ней с правительственной декларацией, которая фактически приглашала народных избранников к совместной и конструктивной работе с исполнительной властью. Однако новый глава правительства натолкнулся со стороны многих депутатов на глухую стену недоверия, непонимания, а подчас и нежелания сотрудничать. А.И. Гучков объяснял это всеобщим революционным настроением, царившим в среде общественных деятелей, накоплением различных претензий к старому строю и наивной верой в то, что «...добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка компромисса не приведет ни к чему серьезному». «Сотрудничество с властью – это значит, человек предает себя, – пояснял он кредо оппозиции. – Потом перемена пришла со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина» [2, с. 189]. При этом лидер октябристов даже сетовал Сто-

лыпину, что «все время был проникнут недоверием к государственным способностям общественности. <...> Я был против парламентского принципа, против парламентского кабинета и даже Столыпину не рекомендовал отдельных лиц вводить туда» [2, с. 189].

Первой и основной задачей правительства, как считал А.Я. Аврех, Столыпин провозгласил не реформы, а «борьбу с революцией» [3, с. 36]. Очевидно, историк имел в виду знаменитую тактическую формулу премьера: «сначала успокоение, потом реформы». Второй центральной задачей правительства Столыпин назвал проведение аграрного закона 9 ноября 1906 г., являющегося, по его словам, «коренной мыслью теперешнего правительства, руководящей его идеей», а также реформы местного самоуправления, просвещения, страхования рабочих и др., озвученные им уже во II Думе [4, стб. 309–310]. Правые фракции полностью поддержали курс Столыпина. «Нельзя упускать из виду, – утверждал граф В.А. Бобринский, – что буря еще не вполне утихла; что существует еще скверная мертвая зыбь, которая качает государственный корабль; что корабль этот еще не достиг тихой гавани». Правительство без поддержки Думы «не может завершить <...> дело умиротворения и успокоения страны <...> а потому оно ждет от нас содействия» [4, стб. 315–316]. Октябристы также приняли решение избегать всякой критики и подчеркивали необходимость совместной работы Думы с правительством [5, л. 12–15]. Даже кадеты, понимая неуместность и нелогичность открытого противостояния в подобной ситуации, решили воздержаться от «бесполезных шагов и критики». «Не будем неумелыми шагами отбрасывать Думу вправо», – выразил общее мнение соратников Ф. И. Родичев, а лидер партии П.Н. Милюков констатировал: «Очевидно, никто не предлагает фракции открыть атаку» [6, л. 134–136].

После того как П.А. Столыпин выступил в III Думе со своим программным заявлением, П.Н. Милюков сделал основным содержанием своей речи сопоставление требований дворянских организаций с поведением правительства и попытался по пунктам показать, что глава правительства солидаризовался с требованиями этих организаций и проводил их политику. Лидер кадетов считал, что к моменту начала деятельности III Думы союз самодержавно-монархических элементов с дворянскими организациями и, прежде всего, с советом объединенного дворянства, стоящим во главе их, окончательно сложился и окреп. «Столыпин уже является продуктом этого союза. Конечно, Столыпин

вносит еще нечто свое, – отмечал П.Н. Милюков. – И все-таки такой крутой переворот не мог совершиться сразу! Поэтому Столыпин является, прежде всего, под флагом конституционализма и желания сохранить этот конституционализм, на чем и основывается его союз с Гучковым и с октябристами» [7, т. 6, с. 300].

В период нахождения Столыпина во главе правительства современники отмечали, что он испытывал влияние с двух противоположных сторон: с одной – на него очень сильно влиял государственный контролер П.Х. Шванебах, доказывавший необходимость роспуска непослушной Думы, а с другой – министр иностранных дел А.П. Извольский, пытавшийся внедрить западноевропейские образцы на российскую почву и ссылавшийся при этом на дипломатические сведения и материалы иностранной прессы. В связи с этим произошел весьма характерный и почти анекдотичный эпизод. «В одном из заседаний совета министров, когда настойчиво пошли разговоры, что нужно ускорить разработку избирательного закона, Шванебах играл очень решительную роль, очень настаивал и в этом смысле поддерживал покойного Столыпина, – вспоминал В.Н. Коковцов. – И я лично <...> был поражен, когда Извольский перекинулся на сторону противоположную и объяснил свое изменение прочитанной им тут же телеграммой от нашего посланника в Лиссабоне, который заявлял, что кортесы распушены» [7, т. 7, с. 100].

В III Государственной думе в результате выборов сложилось неустойчивое равновесие между правыми (черносотенцами) – 144 депутата, либерально-консервативным центром (октябристами) – 148 депутатов и левыми фракциями, наиболее значительной из которых была либерально-демократическая группировка кадетов – 54 депутата. Радикально настроенные фракции, представленные 14 трудовиками и 19 социал-демократами, держались обособленно и серьезно повлиять на расстановку сил и ход думской деятельности не могли. При таком соотношении депутатских мест ни одна из группировок не могла при голосовании в одиночку ни провалить, ни провести тот или иной законопроект. В подобной ситуации все решала позиция центра – октябристов. В результате этого в III Думе функционировал простой, но действенный механизм, получивший название октябристского маятника.

Теперь, когда в Думе требовалось принять консервативное решение, октябристы голосовали с черносотенцами, образуя правооктябристское большинство. В том случае, если на повестке дня стоял законопроект, связанный с преобразованиями, октябристы солидаризовались с

левым флангом, образуя левооктябристское большинство. Таким образом, глава правительства П.А. Столыпин, грамотно конструируя то или иное большинство в Думе, проводил законопроект необходимый для реализации его политического курса. В том случае, если не удавалось составить необходимое большинство, принятие закона проводили по ст. 87 Основных законов.

Подобная практика «творить законодательство в порядке ст. 87...» впоследствии в докладе председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н.К. Муравьева получила весьма жесткое обозначение – «политические игры» [8]. Злоупотребление эксклюзивными возможностями ст. 87 подчас приводило к серьезным столкновениям Думы с правительством. Так, в III Думе произошел конфликт депутатов с председателем Совета министров П.А. Столыпиным, в результате которого серьезно пострадал авторитет и влияние последнего. События развивались таким образом, что он, по словам А.И. Шингарева, постепенно все больше терял полноту власти, которая, как он думал, у него есть: «Большинство членов Думы также теряло веру в Столыпина, и обаяние его быстро утрачивалось» [7, т. 7, с. 7]. Последним происшествием, причинившим ему большие осложнения в этом смысле, была история с западным земством. Заключалась она в том, что в Думе, несмотря на протесты левых фракций, проект, внесенный Столыпиным, прошел с некоторыми ограничениями. В Государственном совете тот же проект был отклонен, несмотря на его защиту Столыпиным. Тогда был устроен искусственный трехдневный перерыв, во время которого указом царя по 87-й ст. было проведено положение о западном земстве.

Это было грубое нарушение самого смысла ст. 87 Основных законов, поэтому и в Думе, и в Государственном совете одновременно были внесены запросы председателю Совета министров по поводу неправомερных действий власти. Несмотря на сильную аргументацию и объяснения Столыпина по поводу этого инцидента, и в верхней, и в нижней палате запросы были приняты. «Наиболее близкий Столыпину человек, Гучков, до такой степени расстроился этим фактом, что сложил свои полномочия, как председатель Думы, – вспоминал Шингарев. – Ему это было непонятно. Он протестовал всеми силами своей души против такого изнасилования законодательных учреждений, но в то же время дружба со Столыпиным была так велика, что он предпочел уйти сам. Я так себе объясняю это психологически» [7, т. 7, с. 7].

Либералы считали, что по мере того, как проводилась дворянская политика, и большинство, которое ее проводило, укрепляло свои позиции, П.А. Столыпин постепенно терял то политическое значение, которое он имел на первом этапе своей деятельности. В это же самое время возрастало оппозиционное настроение у октябристов. «Настроение в стране, – пояснял Милюков, – производило на них известное воздействие: после каникул они возвращались в Думу несколько более оппозиционно настроенными. Правда, они в течение сессии обыкновенно смягчали свою оппозиционность, но извне на них известное давление было, и это сказалось в том, что они сделали попытку борьбы на конституционных вопросах: борьба эта разыгралась на вопросах о вооружении» [7, т. 6, с. 301].

Суть этого конфликта заключалась в том, что А.И. Гучков поставил вопрос о существенном преобразовании морского ведомства, и для того, чтобы принудить правительство произвести это преобразование, захотел впервые воспользоваться бюджетным правом Думы, перекрыв ассигнование на постройку новых броненосцев. Эта попытка и стала началом новой борьбы между октябристами и П.А. Столыпиным, и это явилось началом разрыва этого союза. «Таким образом, – резюмировал П.Н. Милюков, – борьба с ассигновкой на броненосцы и отказ Гучкова от председательствования в Думе, – этими двумя датами определяется начало и конец борьбы между бывшими союзниками. Надо сказать, что в некоторых отношениях они исполняли союз честно: они провели крестьянскую реформу в дворянском духе и слепо шли за правительством во всех его националистических начинаниях, так что все финляндские меры, например, – все это прошло единодушно <...> Но тут – они разошлись» [7, т. 6, с. 301].

Вторая половина деятельности III Думы запомнилась оппозиционерам тем, что П.А. Столыпин пытался найти себе новых союзников. Этот поворот, эта попытка искания нового большинства обозначались уже в последней сессии III Государственной думы. Эту ситуацию П.Н. Милюков обозначил как «искание нового большинства» [7, т. 6, с. 302].

Между тем, несмотря на серьезные проблемы в поисках консенсуса III Государственной думы и исполнительной власти, даже скептики признавали, что в этот период была достигнута большая гласность в деятельности правительства, с его помощью осуществлялся общественный контроль за работой ведомств и все финансовое хозяйство

страны приведено в ясность, «вся администрация подтянулась», как выразился один из лидеров Совета съездов представителей промышленности и торговли В.В. Жуковский [9, с. IX–X]. Положительно оценивал свой опыт взаимодействия с представительным органом власти и министр финансов, а затем и премьер-министр В.Н. Коковцов. Особенно конструктивным он считал сотрудничество с депутатами Государственной думы третьего созыва: «...в течение длинных шести лет вся моя работа по должности министра финансов, а потом, с сентября 1911 года, и в должности председателя Совета министров протекала неразрывно в связи с Государственной думой, <...> и можно сказать, что мой 14-часовой труд в сутки столько же протекал на трибуне Думы, сколько и в кабинете министра финансов на Мойке» [10, с. 254]. Правда, при этом Коковцов не уточнял, что подобный стиль работы и модель взаимодействия с депутатами была сформирована его предшественником – П.А. Столыпиным.

Подводя итог, следует констатировать, что противостояние правящего класса (правительства) и членов Государственной думы (общества) нередко принимало крайние формы, как, например, в случае роспуска I и II Думы, или характер затяжной, изнурительной борьбы, как это было в случае с III и IV Думой. В конечном итоге этот конфликт вылился в феврале 1917 г. в тяжелые революционные потрясения. «Разрешение конституционных кризисов в условиях перехода от авторитаризма к демократии представлено двумя идеальными моделями принятия конституций – на основе договора (консенсусная модель) и на основе разрыва согласия (по существу, октроированная модель), – отмечает А.Н. Медушевский. – Первая, договорная модель, может быть определена как осознанная стратегия достижения согласия политических сил о признании некоторых базовых ценностей гражданского общества и перспективных целях движения. Вторая модель, напротив, определяется как непреодолимый раскол политических сил, завершающийся торжеством одной из них над другими и подчинением их своей воле. Первая (договорная) модель оптимальнее второй (модели разрыва) с точки зрения стабильности, легитимности и преемственности правового развития» [11, с. 476]. Получается, что единственной альтернативой разрешения конституционного кризиса в России в нач. XX в. являлась политика премьер-министра П.А. Столыпина, пытавшегося реализовать «консенсусную модель», т.е. организовать конструктивный диалог и совместную деятельность правительства и Государственной думы.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
2. Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
3. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
4. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 3.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 1.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г.: в 7 т. М.; Л., 1924–1927.
8. Муравьев Н. К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
9. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907–1912 гг. СПб., 1912.
10. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992. Кн. 2.
11. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

А.В. Лопухова

Самарский государственный университет

П.А. СТОЛЫПИН И ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Партия русских националистов – Всероссийский национальный союз (ВНС) – была образована в начале 1910 г. на базе думской фракции. Этому предшествовал процесс размежевания в правом секторе, выделения умеренно-правых и национальной группы с образованием соответствующих партий, а затем их слияния в одну русскую национальную фракцию. Думская деятельность будущих националистов стала, таким образом, решающим фактором в их организационном становлении.